

**ЭТИКА
КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА.
Н.О. ЛОССКИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ И. КАНТА**

П.Р. Бонадысева¹

Русский философ-интуитивист Н. О. Лосский неоднократно отмечал, что в период своего научного становления находился под существенным влиянием Канта. Более того, Лосский был учеником русского кантианца А. И. Введенского, а также оказался одним из наиболее успешных переводчиков первой «Критики». Однако его собственный философский проект скорее представляет собой противоположность критицизму. И если в рамках гносеологии Лосского специфика прочтения им Канта изучена в русскоязычном исследовательском поле достаточно подробно, то в этике комментарий русского философа к Канту остался практически незамеченным. Моя задача – выявить связь между кантовской практической философией и этикой русского философа. Демонстрация степени кантовского влияния в данной области позволит дополнить и уточнить существующие в современных исследованиях представления о восприятии Канта Лосским. Речь идет о целом ряде параллелей и заимствований. Я провожу компаративный анализ следующих аспектов: 1) определение и использование термина «категорический императив», 2) свобода воли как условие возможности морального действия, 3) причина морального зла, 4) роль идеи Бога в этике. В результате я выявляю тот способ, каким Лосский использовал элементы практической философии Канта в качестве понятийных, терминологических и риторических ресурсов для своей теологической этики, а также особенности их интерпретации русским философом в духе собственного учения. Я показываю спорность и неосторожность использования Лосским кантовской моральной терминологии и демонстрирую ряд пересечений этической аргументации у Канта и Лосского с учетом ее проекции на радикально различные онтологические и гносеологические установки.

Ключевые слова: Лосский, Кант, категорический императив, этика, свобода, любовь, практическая философия

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 07.12.2021 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-3

**THE ETHICS
OF THE CATEGORICAL IMPERATIVE.
LOSSKY UNDER THE INFLUENCE OF KANT**

P.R. Bonadyseva¹

The Russian intuitivist philosopher Nikolay Lossky repeatedly admitted Kant's substantial formative influence on him as a scholar. Moreover, Lossky was a disciple of the Russian Kantian Aleksander Vvedensky, and was one of the most successful translators of the first Critique. However, his own philosophical project is rather the opposite of the critical programme. While in the framework of Lossky's epistemology the specificities of his reading of Kant have received a fair amount of attention in Russian scholarship, in the ethical field the Russian philosopher's comments on Kant have passed largely unnoticed. My task is to reveal the link between Kant's practical philosophy and Lossky's ethics. A demonstration of the degree of Kant's influence in this field will enlarge and concretise the current thinking about Lossky's perception of Kant. We are looking at a whole range of parallels and borrowings. My comparative analysis focuses on the following aspects: 1) definition and uses of the term "categorical imperative", 2) free will as the condition of the possibility of moral action, 3) the cause of moral evil, 4) the role of the idea of God in ethics. As a result, I reveal how Lossky used elements of Kant's practical philosophy as conceptual, terminological and rhetorical resources in his theonomic ethics, and how the Russian philosopher interpreted them in line with his own doctrine. I argue that Lossky's use of the Kantian moral terminology is incautious and debatable and point out several intersections of ethical argumentations in the light of its projection on radically different ontological and epistemological principles.

Keywords: Lossky, Kant, categorical imperative, ethics, freedom, love, practical philosophy

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia. Received: 07.12.2021.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-3

1. Введение

Первое, что приходит на ум исследователю, озадаченному степенью кантовского влияния на философское творчество Лосского, — осуществленный русским философом перевод «Критики чистого разума» (1907). Это легко объяснимо, так как данный перевод до сих пор считается релевантным в русскоязычном кантоведении. В отличие от перевода первой кантовской «Критики» М. И. Владиславлева (1867) и появившегося спустя 30 лет перевода Н. М. Соколова (1896–1897, второе издание — 1902), содержавших большое количество неточностей, Лосскому удалось не только избавиться от ошибок и искажений прошлых переводов, но и достаточно точно передать авторский стиль Канта. Это и определило тот факт, что его вариант до сих пор берется за основу для всех последующих *пяти* академических изданий перевода «Критики чистого разума» в России. Хотя во всех этих переводах текст Лосского прошел коррекцию после сверки с оригиналом, нельзя не признать, что столь успешно осуществить титанический труд по переводу и адаптации такого сложного текста возможно лишь при условии высокой личной заинтересованности в его содержании².

Кант сыграл значимую роль в философском становлении Лосского. Во многом эта роль была обусловлена тем, что Лосский учился в университете у А. И. Введенского, одного из крупнейших представителей неокантианства в России того времени, и до встречи с лейбницианцем А. А. Козловым испытал сильное влияние кантианства. А. Ю. Бердникова пишет, что Лосский уже в период студенчества вынашивал

² С этой мыслью согласна и В. С. Попова, однако она считает, что помимо интереса к развитию собственной гносеологии и желания исправить многочисленные ошибки в переводах предшественников Лосским руководило стремление показать свою концепцию как закономерную с точки зрения историко-философского процесса, а также необходимость обладать инструментарием для полемики с учителем — А. И. Введенским (Попова, 2015, с. 71).

1. Introduction

The first thing that comes to mind when we turn our attention to the degree of Kant's influence on Nikolay Lossky's philosophical work is the fact that he translated the *Critique of Pure Reason* (1907). Indeed, this translation is still relevant in Russian Kant scholarship. Unlike the translation of the first Kantian *Critique* by Michail I. Vladislavlev (1867) and by Nikolay M. Solovyov thirty years later (1896–1897, second edition 1902), which had many inaccuracies, Lossky managed not only to get rid of the mistakes and distortions of earlier translations, but to convey Kant's style, which is why his version is used as the basis in all *five* Russian academic translations of the *Critique of Pure Reason*. Although in all these translations Lossky's text was checked against the original, it has to be admitted that the daunting task of translating and adapting such a complicated text could only have been successfully accomplished by someone who had a keen personal interest in its content.²

Immanuel Kant played a significant role in Lossky's development as a philosopher. The reason for this is that Lossky's teacher at university was Aleksander I. Vvedensky, one of the most prominent representatives of Neo-Kantianism in Russia at that time, and before he met the Leibnizian Alexey A. Kozlov he had experienced deeply the influence of Kantianism. Alexandra Yu. Berdnikova (2017, p. 39) writes that already as a student Lossky entertained the idea of “productively overcoming

² Varvara S. Popova (2015, p. 71) goes along with this view but points out that in addition to having an interest in the development of his own epistemology and the wish to correct the numerous mistakes in previous translations, Lossky sought to demonstrate that his concept was valid in terms of the historical-philosophical process, as well as to acquire a toolkit for a polemic with his teacher, A. Vvedensky.

идею «продуктивно преодолеть Юма и Канта» и «примирить» гносеологию Канта и метафизику Лейбница. По ее мнению, занятие переводами Канта было обусловлено этим стремлением (Бердникова, 2017, с. 39).

Фактически в каждом своем труде Лосский упоминал немецкого мыслителя, обсуждал его идеи или их aberrацию в позитивизме, неокантианстве, феноменологии и иных философских направлениях. Так, в «Обосновании интуитивизма», своем главном труде по философии познания, Лосский посвятил Канту значительную часть текста и, признав революционное значение кантовской философии, сделал следующий вывод: «...теория знания Канта непосредственно подготовила переход к универсалистическому эмпиризму (интуитивизму)» (Лосский, 1991б, с. 141)³. Иными словами, Лосский считал кантовский критицизм наиболее прогрессивным философским учением из существовавших до его собственной гносеологии. Однако при дальнейшем развитии своей концепции интуитивизма Лосский совершил многократные попытки переосмысления кантовского трансцендентализма. По его мнению, критицизм Канта не позволял сохранить гносеологический оптимизм относительно познаваемости мира, познаваемости «я» и «открытости» объекта для сознания субъекта⁴.

Учитывая все это, можно определенно утверждать, что Лосский находился под сильным влиянием кантовской мысли. Однако если в онтологии и гносеологии Лосского это влияние обозначается явно и непосредственно, оно многократно подвергалось анализу, то в этике Лосского идеи кёнигсбергского философа до сих пор ускользали от пристального исследовательского внимания⁵. Соответственно, задача данной статьи состоит в том, чтобы

³ Подробнее об этом см.: (Попова, 2015, с. 63, 65).

⁴ О преемственности в гносеологии и спектре проблем, к которым сводится критика Канта Лосским, см.: (Бонадысева, 2020, с. 97, 99, 104).

⁵ Например, Зеньковский рассматривает Лосского как принципиального противника этического релятивизма (Зеньковский, 2001, с. 638).

Hume and Kant” and “reconciling” Kant’s epistemology with Leibniz’s metaphysics. She believes that this accounts for his taking up the translation.

In practically all of his works Lossky mentioned the German thinker, discussed his ideas or their aberration in Positivism, Neo-Kantianism, Phenomenology and other philosophical trends. Thus in his main work on the philosophy of cognition, *The Intuitive Basis of Knowledge*, Lossky (1919, p. 158) devotes a major part of the text to Kant and, recognising the revolutionary significance of the Kantian philosophy, arrives at the following conclusion: “Kant’s theory thus seems to me to prepare the ground for universalistic empiricism (intuitionism).”³ In other words, Lossky considered Kantian criticism to be the most progressive of all the philosophical schools pre-dating his epistemology. However, in developing his concept of intuitivism, Lossky made multiple attempts to rethink Kantian transcendentalism. In his opinion, Kant’s critique had no room for epistemological optimism concerning the cognisability of the world, the cognisability of “I” and the “openness” of the object to the cognising subject.⁴

All this leaves no doubt that Kant had a strong influence on Lossky. However, while in Lossky’s ontology and epistemology this influence was overt and direct and was repeatedly analysed, Kant’s ideas in Lossky’s ethics have to date eluded close study.⁵ Accordingly, the task of this article is to reveal the link between Kant’s practical philosophy and Lossky’s ethics, which will enlarge and concretise the idea of Lossky’s perception of Kant in Russian

³ For more detail see Popova (2015, pp. 63, 65).

⁴ On the continuity in epistemology and the range of problems encompassed by Lossky’s critique of Kant see Bonadyseva (2020, pp. 97, 99, 104).

⁵ For example, Vasily V. Zenkovsky (2001, p. 638) considers Lossky to be a principled opponent of ethical relativism.

выявить связь между кантовской практической философией и этикой русского философа, что позволит значительно дополнить и уточнить существующее в российских исследованиях представление о восприятии Канта Лосским. Я проведу сравнение по следующим тематическим аспектам, ключевым для этических теорий обоих философов: 1) понятие «категорический императив», 2) свобода воли как условие осуществления моральных действий, 3) себялюбие как причина морального зла, 4) идея Бога в этике.

В результате я покажу, какие элементы практической философии Канта Лосский использует в качестве терминологических и понятийных ресурсов для построения этической теории и как интерпретирует их в духе собственной философской системы.

2. Заимствование термина «категорический императив»

Центральным элементом кантовской практической философии является категорический императив — априорный закон чистого практического разума, обозначающий высшую норму морального поведения. Он направлен на человеческую волю, уязвимую для природных склонностей, препятствующих реализации добра, и принуждает человека к доброму поступку лишь одним разумом. Эту характеристику морального закона Кант называет «долженствованием», она выражает объективную значимость добродетели. Это означает, что, если бы разум смог полностью определить волю, любой поступок неизбежно был бы совершен по данному закону.

Моральный абсолют, которым считается категорический императив, необходимо понимать как такое условие человеческих поступков, которое само не обусловлено никаким другим. Он существует *a priori* как высший практический принцип по отношению к человеческой воле, и его происхождение, как и происхождение свободы действовать согласно этому прин-

scholarship. I propose to compare the following aspects that are key to the ethical theories of both philosophers: 1) the concept of “categorical imperative”, 2) freedom of will as the condition of moral actions, 3) self-love as the cause of moral evil and 4) the idea of God in ethics.

As a result, I will show which elements of Kant’s practical philosophy Lossky uses as terminological and conceptual resources in building his ethical theory and how he interprets them in the spirit of his own philosophical system.

2. Borrowing of the Term “Categorical Imperative”

The central element of Kant’s practical philosophy is the categorical imperative, the *a priori* law of pure practical reason signifying the highest norm of moral behaviour. It is directed at the human will which is exposed to natural proclivities that obstruct the manifestation of good; it demands of the human being to act morally by mere reason. Kant refers to this feature of the moral law as “oughtness”, which expresses the objective value of virtue. That is, if reason could determine the will entirely, any act would inevitably correspond to this law.

The moral absolute, otherwise termed the categorical imperative, should be seen as a condition of human acts which itself is not conditioned by anything. It exists *a priori* as the supreme practical principle with respect to the human will, and its origin, like the origin of the freedom to act in accordance with this principle, cannot be established in the framework of transcendental philosophy (GMS, AA 04, pp. 428-431; Kant, 1997, pp. 36-39). The moral law is the condition of deserving to be happy congruent with reason (KpV, AA 05,

ципу, нельзя установить в рамках трансцендентальной философии (АА 04, S. 428–431; Кант, 1994в, с. 205–207). Моральный закон есть сообразное с разумом условие достоинства быть счастливым (АА 05, S. 144–145; Кант, 1994а, с. 545). Однако в жизни человека мораль совершенно не обязательно предполагает счастье, потому и счастье, согласно Канту, — не самоцель и уж точно не цель морального поведения.

Лосский вслед за Кантом противопоставляет свое учение эвдемонистической этике. Согласно Лосскому, мораль не есть обусловленное природой принуждение воли. Однако она является принуждением, поскольку осознается разумным существом и оказывает влияние на его поведение. Лосский приходит к выводу, что мораль — имманентная сила сверхчувственного порядка. Подобно Канту, Лосский утверждает, что мораль должна существовать одновременно в форме закона и регулятивного идеала. Он пишет:

...идеальное будущее наличествует в предзнании каждого существа, но оно не есть *природная*, сотворенная Богом сущность индивидуума, вынуждающая и детерминирующая его поведение: оно есть созерцаемый Богом идеал, служащий для индивидуума *нормой* его поведения⁶, т.е. чем-то таким, что свободно может быть осуществлено в действительном поведении, но может быть и отвергнуто (Лосский, 1991а, с. 60).

Лосский полагает, что этот закон открывается нам в непосредственном рефлексивном созерцании (Там же, с. 148). Чтобы подчеркнуть сходство формулируемого им закона с кантовской концепцией, Лосский даже заимствует термин «категорический императив». Но могут ли быть идентичны два императива при столь различных онтологических и гносеологических подходах? Конечно, нет.

⁶ Судя по всему, то, что Лосский назвал здесь «созерцаемым Богом идеалом», — в строгом смысле метафора. Философ далее поясняет, что понимает под ним возможный путь поведения индивида, который всеведущему Богу также известен, даже если и не будет осуществлен (Лосский, 1991а, с. 148).

pp. 144-145; Kant, 2002, pp. 182-183). However, morality does not necessarily imply happiness because even happiness, according to Kant, is not an end in itself and certainly not the goal of moral behaviour.

Lossky, following Kant, counterposes his doctrine to eudaimonic ethics. According to Lossky, morality is not coercion of the will conditioned by nature. Yet it is coercion insofar as a conscious being is aware of it and his behaviour is influenced by it. Lossky concludes that morality is an immanent force of a supra-sensible kind. Like Kant, Lossky maintains that morality should exist simultaneously in the form of law and of a regulative ideal. He writes:

[...] the ideal future exists in the pre-consciousness of every being, but it is not a *natural*, God-created essence of the individual that forces and determines his behaviour: it is a God-contemplated ideal which serves as a *norm* of individual behaviour,⁶ i.e. something that can be freely exercised in real behaviour, but can also be rejected (Lossky, 1991a, p. 60).

Lossky assumes that this law is open to us in direct reflexive contemplation (*ibid.*, p. 148). To underscore the similarity of the law he formulates to Kant's concept, Lossky even borrows the term "categorical imperative". But can two imperatives be identical given such dissimilar ontological and epistemological approaches? Of course not.

In Kant's doctrine, "things-in-themselves" are totally inaccessible to human cognition. In turn, according to the ontological concept represented in Lossky's ideal-realism, the real world is the result of the creative force of su-

⁶ The signs are that what Lossky refers to as a "God-contemplated ideal" is strictly speaking a metaphor. Further on he explains that he means a possible behaviour of an individual which is known to the omniscient God, even if it does not materialise (Lossky, 1991a, p. 148).

В учении Канта «вещи сами по себе» совершенно недоступны человеческому познанию. В свою очередь, согласно онтологической концепции, представленной в идеал-реализме Лосского, действительный мир является результатом творческой силы сверхвременных и сверхпространственных сущностей, имеющих потенцию к личностному бытию и реализующих ее путем создания эмпирической реальности (Лосский, 1995, с. 148). При этом как действительный, так и идеальный мир доступны человеческому познанию (Там же, с. 133). Получается, что Лосский имел противоположную Канту онтогносеологическую позицию, но все же искренне считал, что вывел основополагающие принципы своей философии во многом благодаря Канту. Тяготая к философии всеединства, Лосский стремился преодолеть кантовские границы между субъектом и объектом, прежде всего путем допущения способности непосредственного знания, которая в его учении распространилась и на этику.

Лосский пытается соединить свое гносеологическое учение об интуитивном познании с христианскими моральными постулатами. Так, описывая собственную этическую теорию, называемую им христианской теонормной этикой, русский философ неоднократно воспроизводит библейские заповеди любви, утверждая, что разделяет христианскую установку о любви как главном этическом постулате (Лосский, 1991а, с. 60, 67). Любовь у Лосского можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, этот термин присутствует в его тексте для обозначения сложного психоэмоционального явления, проявляющегося в качестве личностного имманентного переживания (Там же, с. 67). Этот аспект отсылает в первую очередь к греческому термину *φιλία*. А во-вторых, любовь — это волевое отношение, смысл которого в стремлении к соединению экзистенций существ. Такая любовь — превосмогающая и жертвенная. В ней происходит осознание добра как долга, а потому она необходимо ведет к морали (Там же, с. 68–69). Мы можем сказать, что в отноше-

pra-temporal and supra-spatial agents who have the potential of personal being and implement it by creating empirical reality (Lossky, 1995, p. 148). Both the real and the ideal worlds are accessible to human cognition (*ibid.*, p. 133). It turns out that Lossky held an ontological-epistemological position opposite to Kant's, yet sincerely believed that the foundational principles of his philosophy owed much to Kant. Gravitating toward the philosophy of *vseyedinstvo* ("all-unity") Lossky sought to overcome the Kantian boundaries between subject and object by positing the possibility of direct knowledge which in his doctrine also applied to ethics.

Lossky attempts to combine his epistemological doctrine of intuitive cognition with Christian moral postulates. Thus, in describing his ethical theory, which he calls Christian theonomic ethics, Lossky repeatedly invokes biblical commandments of love, declaring that he shares the Christian principle of love as the main ethical postulate (Lossky, 1991a, pp. 60, 67). Love, according to Lossky, can be viewed from two perspectives. First, the term is present in the text to denote the complex psycho-emotional state which manifests itself as a personal immanent experience (*ibid.*, p. 67). This aspect harks back mainly to the Greek term *φιλία*. And second, love is a relation of the will which is a striving for the unification of human existences. Such love involves overcoming and sacrifice. It brings awareness of good as duty and thus inevitably leads to morality (*ibid.*, pp. 68-69). It can be said that when Lossky speaks about love in the ethical sense, he has in mind the ancient Greek word *ἀγάπη* or the Latin *caritas*. But the same concept also enables Lossky to validate the key thesis of his onto-epistemology, "All

нии любви в этическом смысле Лосский имеет в виду древнегреческое *ἀγάλη* или же латинское *caritas*. Но это понятие также позволяет Лосскому обеспечить правомерность главного тезиса своей онтогносеологии — «Все имманентно всему»⁷. Если развернуть эту мысль в данном ключе, получилось бы: все имманентно всему, потому что все есть любовь.

Волевая любовь понимается философом как категорический императив. И в самом деле, Лосский приписывает ряд его признаков этому этическому началу. Во-первых, любовь — это императив, не знающий исключений и предполагающий долженствование. По мысли Лосского, долженствование является высшей формой поведения и следствием осознания объективной ценности других, то есть необходимым следствием объективного достоинства цели существа, необходимо стремящегося к полноте бытия: «...конечные цели устанавливаются как нечто *должное*. Объясняется это долженствование ссылкой на то, что содержание данной конечной цели есть нечто ценное само по себе... <...> ...оно имеет *безусловный* характер; это *категорический императив*: люби Бога больше, чем себя; люби ближнего, как себя...» (Там же, с. 68). Подчеркивая это, Лосский не единожды цитирует кантовскую формулу «Ты должен, следовательно, ты можешь» (Там же, с. 98).

Во-вторых, как считает философ, волевая любовь ничем не обусловлена извне, но способна определять поведение человека, поскольку является внутренним основанием его нравственной деятельности (Там же, с. 67). Интересно и то, что императив Лосского имеет интенциональную направленность. Лосский утверждает, что любовь моральна, если направлена на абсолютные ценности (добро, любовь, красоту и т.п.), и аморальна, если имеет своей целью относительные ценности (удовольствие, материальную добродетель и т.п.) (Там же, с. 182).

В-третьих, согласно Лосскому, любовь как категорический императив обладает абсолют-

⁷ О познавательном аспекте любви в этике Лосского (в сравнении с концепцией М. Шелера) см.: (Navickas, 1978, p. 123–124).

is immanent in all”.⁷ To spell out this idea in a different way, all is immanent in all because all is love.

The philosopher sees volitional love as a categorical imperative. Indeed, he ascribes some of its features to this ethical principle. First of all, love is an imperative that brooks no exceptions and implies oughtness. According to Lossky, oughtness is the highest form of behaviour and a consequence of awareness of the objective worth of others, i.e. a necessary consequence of the objective worth of the goal of the being that necessarily strives toward a fullness of being: “...*finite goals* are set as something that *ought* to be. The oughtness is explained by the fact that the content of this finite goal is something valuable in itself [...] it has an *unconditional* character; it is a categorical imperative: love God more than yourself; love your neighbour as you love yourself” (*ibid.*, p. 98).

Second, Lossky argues, volitional love is not conditioned by anything external, but can determine human behaviour because it is an inner foundation of the individual’s moral activity (*ibid.*, p. 67). Interestingly, Lossky’s imperative has an intentional character. Lossky claims that love is moral if it is directed toward absolute values (good, love, beauty, etc.) and immoral if it is directed toward relative values (pleasure, material goods, etc.) (*ibid.*, p. 182).

Third, according to Lossky, love as a categorical imperative is an absolute necessity for any willing creature (*ibid.*, p. 59), and for the philosopher it becomes, accordingly, a universal criterion for assessing the actual morality of individual human beings and entire cultures. Lossky, like Kant, rejects the relativity of morality and claims that the true moral ideal is

⁷ On the cognitive aspect of love in Lossky’s ethics (compared with Max Scheler’s concept) see Navickas (1978, pp. 123-124).

ной необходимостью для любого волящего существа (Там же, с. 59), а для философа она становится, соответственно, универсальным критерием оценки фактической нравственности как отдельных людей, так и целых культур. Лосский, как и Кант, отвергает относительность морали и утверждает, что в земных условиях подлинный моральный идеал, вероятнее всего, не осуществим. В психоматериальном мире даже лучшие поступки содержат лишь частичное добро (Там же, с. 96–97).

Здесь возникает вопрос об уместности заимствования кантовского термина. Более того, сам немецкий философ отверг возможность использовать понятие любви в качестве объективного основания нравственности. Дело в том, что понятие «любовь» описывает не только форму поступка, как это призван делать кантовский императив, но и его содержание. Категорический императив, кроме самого закона, всеобщего и не ограниченного никаким условием, содержит в себе только необходимость максимы — быть сообразным с этим законом (AA 04, S. 420–421; Кант, 1994в, с. 195). Любовь же, если допустить ее в качестве морального принципа, была бы ограничена чувственностью. Кант пишет: «*Любовь* есть дело *ощущения*, а не *воления*, и я могу любить не потому, что я хочу, и еще в меньшей мере — что я *должен* (быть принужденным любить); следовательно, *долг любить* — бессмыслица» (AA 06, S. 401; Кант, 1994б, с. 443).

Кант не отрицает роли любви в процессе становления человека на путь нравственного совершенствования. П. Ринне в своем исследовании показывает, что любовь рассматривается Кантом как часть той потенции к добру, которую человек имеет в своей природе (см.: Rinne, 2018). Но то, что пытается сделать Лосский, недопустимо. И даже разделение понятия «любовь» на психологическое и практическое не помогает решить все проблемы, возникающие при допущении ее в качестве категорического императива. В лучшем случае ее можно было бы рассмотреть как императив гипотетиче-

probably not feasible under earthly conditions. In the psycho-material world even the best acts have only partial goodness (*ibid.*, pp. 96-97).

The question suggests itself, is the borrowing of the Kantian term apposite? Moreover, Kant himself rejected the possibility of using the concept of love as an objective ground for morality. The concept of love describes not only the form of an act, like Kant's imperative, but also its content. The categorical imperative, besides the law itself, which is universal and not limited by any condition, contains only the need for a maxim to be congruent with this law (GMS, AA 04, pp. 420-421; Kant, 1997, pp. 30-31). Love, if adopted as a moral principle, would be limited to sensibility. Kant writes: "*Love* is a matter of *feeling*, not of *willing*, and I cannot love because I will to, still less because I *ought* to (I cannot be constrained to love); so *a duty to love* is an absurdity" (MS, AA 06, p. 401; Kant, 1996, p. 503).

Kant does not deny the role of love in the process of man's embarking on the path of moral improvement. Rinne in his study shows that Kant sees love as part of the potential for good that is intrinsic in the human being (see: Rinne, 2018). But what Lossky tries to do is impermissible. Even the introduction of the distinction between psychological and practical love is incapable of solving the problems that arise if it is assumed to be a categorical imperative. At best, it can be seen as a hypothetical imperative whereby, according to Kant, acts are only means towards achieving a certain end. Such acts may well be legal, that is, *congruent* with duty, but performed not out respect for the moral law, but due to inclination or wish (KpV, AA 05, p. 81; Kant, 2002, p. 105).

Yes, both philosophers place at the centre of their practical philosophies an absolute principle around which they build the grounding

ский, в соответствии с которым, согласно Канту, поступки оказываются только средствами для достижения какой-то цели. Такие поступки вполне могут быть легальными, то есть *сообразными* долгу, но совершаться при это не из уважения к моральному закону, а из склонности и желания (AA 05, S. 81; Кант, 1994а, с. 471).

Да, оба философа помещают в основу своей практической философии некий абсолютный принцип, вокруг которого выстраивается вся система обоснования этики. Мы видим, что Лосский вслед за Кантом наделяет избранный им центральный принцип этики признаками кантовского категорического императива вплоть до того, что заимствует сам термин. Однако это заимствование сделано, вероятнее всего, больше для риторического украшения собственной аргументации, чем для упрочения философской силы аргументов. При этом русский философ игнорирует существенные составляющие понятия, которое использует.

3. Свобода воли как условие осуществления моральных действий

Следующий уровень сопоставления требует перехода к обоснованию собственно практической сущности субъекта. Основопологающей частью кантовской практической философии является учение о свободе воли. По Канту, человек одновременно и полностью каузально обусловлен миром феноменальным, так как существует в физическом мире, и причастен к миру noumenальному, где свободен. Свобода эта заключается в природе его воли и называется «автономией». Автономия — необходимое условие морального действия (*ratio essendi*), в то время как категорический императив является доказательством возможности свободы (*ratio cognoscendi*)⁸. Кант подчеркивает ее независи-

⁸ Поэтому в «Основоположениях метафизики нравов» возникает вопрос о «порочном круге» в обосновании категорического императива (AA 04, S. 453; Кант, 1994в, с. 233). О дискуссии относительно решения Кантом этого вопроса см.: (Schönecker, 1999; Puls, 2011; Lewin, 2021, S. 71–78).

of ethics. We see that Lossky, following Kant, ascribes to his chosen ethical principle features of the Kantian categorical imperative and even borrows the actual term. However, the borrowing is most probably more a rhetorical embellishment of his own argument than an attempt to reinforce it. And the Russian philosopher ignores essential elements of the concept he uses.

3. Free Will as Condition for Performing Moral Deeds

The next level of comparison calls for a transition to the grounding of the practical essence of the subject. The foundational part of Kant's practical philosophy is the doctrine of free will. According to Kant, the human being is simultaneously totally causally conditioned by the phenomenal world since he exists in the physical world and free as he is a part of the noumenal world. The freedom consists in the nature of his will and is called "autonomy". Autonomy is the necessary condition of moral action (*ratio essendi*), while the categorical imperative is proof of the possibility of freedom (*ratio cognoscendi*).⁸ Kant stresses its independence from any external conditions: "the moral law expresses nothing other than the autonomy of pure practical reason, i.e., freedom; and this [autonomy] is itself the formal condition of all maxims, under which alone they can harmonize with the supreme practical law" (*KpV*,

⁸ That is why in *Grounding for the Metaphysics of Morals* the question crops up of a 'vicious circle' in the grounding of the categorical imperative (*GMS*, AA 04, p. 453; Kant, 1997, p. 453). On the discussion of Kant's solution of the issue see Schönecker (1999), Puls (2011), Lewin (2021, pp. 71-78).

мость от любых внешних условий: «...моральный закон выражает не что иное, как *автономию* чистого практического разума, т.е. свободы, и эта свобода сама есть формальное условие всех максим, только при котором и могут они быть согласны с высшим практическим законом...» (АА 05, S. 33; Кант, 1994а, с. 412–413). Наличие этой свободы обуславливает ответственность за моральное поведение.

Казалось бы, теономная⁹ этика предполагает иное понимание свободы. Однако Лосский соединяет ее с представлениями персонализма, и в его концепции сущностным определением субстанциального деятеля тоже становится свобода произволения. Об этом Лосский пишет в отдельной работе «Свобода воли» (1927) и упоминает в сочинениях «Бог и мировое зло» (1941) и «Условия абсолютного добра» (1944). Философ утверждает: «Абсолютная этика необходимо содержит в себе *категорические императивы*... Они исполнимы и, следовательно, имеют смысл лишь в том случае, если существует свобода воли» (Лосский, 1991а, с. 98). Соответственно, свобода воли становится одним из смысловых центров этической концепции русского философа. Воля в идеал-реализме Лосского является главным отличием конкретно-идеального начала (субстанциональных деятелей) от отвлеченно-идеального (универсалий, не обладающих самостоятельным бытием) (Лосский, 1995, с. 10). *Только с помощью воли можно мыслить динамическую творческую способность деятеля, а соответственно, и его возможность стремиться к Добру* (Там же, с. 253). И хотя степень позитивной свободы у такого морального актора сильно ограничена, степень его формальной свободы — бесконечна. Именно благодаря ей он оказывается способен на самозаконодательство. Субстанциальный деятель, понимаемый Лосским по анало-

⁹ «Теономная этика» — термин, используемый самим Н. О. Лосским для обозначения своей этической концепции. Подразумевается, что этические нормы соответствуют как Божьей воле, так и устройству мира (Лосский, 1991б, с. 67).

АА 05, p. 33; Kant, 2002, p. 49). The existence of this freedom implies responsibility for moral behaviour.

Theonomic⁹ ethics would seem to imply a different concept of freedom. However, Lossky combines it with the notion of personalism, so that in his concept freedom of will becomes the essential definition of the substantive agent. Lossky writes about it in his 1927 work *Freedom of Will* (see Lossky, 1932) and mentions it in the works *God and Evil* (1941) and *The Conditions of Absolute Good* (1944). He argues: “Absolute ethics necessarily contains *categorical imperatives*... They can be fulfilled, and hence have meaning, only if free will exists” (Lossky, 1991a, p. 98). Thus, freedom of will becomes one of the pillars of the Russian philosopher’s ethical theory. Will in Lossky’s ideal-realism is the key difference of the concrete-ideal element (substantive agents) and the abstract-ideal (universals which have no independent existence) (Lossky, 1995, p. 10). It is only by will that one can think the dynamic creative ability of the agent, and, accordingly, the possibility for the agent to seek Good (*ibid.*, p. 253). Although the degree of such a moral agent’s positive freedom is very limited, the degree of formal freedom is infinite. It is thanks to this latter kind of freedom that the agent is capable of self-legislation. In the sphere of his will the substantive agent, understood by Lossky by analogy with the monad, is not conditioned by the impact of the sensible world, is protected from any causal influences from without and cannot be influenced in his free will even by the power of God (Lossky, 1991a, pp. 67-68).¹⁰

⁹ “Theonomic ethics” is a term Lossky himself uses as a name of his ethical concept. He assumes that these ethical norms correspond to God’s will and to the order of the world (Lossky, 1991b, p. 67).

¹⁰ For more detail on freedom from God see Blauberg (2017, p. 115).

гии с монадой, в сфере своей воли не обусловлен влиянием чувственного мира, защищен от всяких каузальных воздействий извне и не подвластен даже воздействию Бога на свободу своей воли (Лосский, 1991а, с. 67–68)¹⁰.

Таким образом, как у Канта, так и у Лосского, несмотря на совершенно разные учения о моральном субъекте, условием осуществления морали становится принципиальная автономия личности. Оба философа помещают ее в сферу воли, которую считают свободной и независимой от любых внешних условий. Именно свобода произволения становится принципом, необходимым для возможности добра самого по себе, и обуславливает возможность брать ответственность за собственное моральное поведение.

4. Себялюбие и природа порока

Очевидно, что свобода воли не гарантирует подлинно нравственного поведения. Предполагая возможность морального поведения, автономия всегда оставляет возможность и для аморального. Согласно Канту, из-за того, что человеческая воля совсем не обязательно выбирает максимум поведения из уважения к моральному закону или хотя бы сообразно с ним, может происходить то, что является морально предосудительным. Человек склонен избирать мотивы своих поступков исходя из чувственных побуждений или смешивая моральные мотивы с неморальными, то есть руководствуясь гипотетическими императивами. Прежде всего к эмпирическим основаниям отклонения от морального действия относится человеческая чувственность, находящая выражение в форме себялюбия (AA 05, S. 70; Кант, 1994а, с. 458). Однако источником зла является не себялюбие само по себе, а та его форма, когда эгоизм становится главным принципом всех решений человека (Ойзерман, 1994, с. 13).

¹⁰ Подробнее о свободе от Бога см.: (Блауберг, 2017, с. 115).

Thus, both in Kant and Lossky, in spite of their totally different doctrines concerning the moral subject, the fundamental autonomy of the personality is the condition of morality. Both philosophers locate it in the sphere of will which they consider to be free and independent of any external conditions. It is freedom of will that is the principle necessary to make good in itself possible and ensures the possibility of assuming responsibility for one's own moral behaviour.

4. Self-Love and the Nature of Evil

Obviously, free will does not guarantee truly moral behaviour. While assuming the possibility of moral behaviour, autonomy always leaves room for amoral behaviour. According to Kant, because human will does not necessarily choose a maxim out of respect for the moral law or at least in line with it, morally reprehensible things may happen. Man tends to choose the motives for his acts proceeding from sensible impulses or mixing moral and immoral motives, i.e. he is guided by hypothetical imperatives. The empirical ground for deviation from moral behaviour is above all human sensibility which takes the form of self-love (*KpV*, AA 05, p. 70; Kant, 2002, p. 92). However, the source of evil is not self-love *per se*, but its form in which egoism becomes the main principle of all human decisions (Oizerman, 1994, p. 13).

The human being (even the basest), no matter in what maxims, does not, as it were, in a rebellious manner renounce the moral law [...]. But if he admitted them into his maxim as by *themselves sufficient* for determining the power of choice, without being concerned about the moral law (which he does, after all, have within himself), then he would be morally evil (*RGV*, AA 06, p. 36; Kant, 2009, pp. 39-40).

Человек (даже самый худший), каковы бы ни были его максимы, не отрекается от морального закона... <...> Но в силу своих естественных задатков, в наличии которых он также не виноват, он привязан и к мотивам чувственности и принимает их (по субъективному принципу себялюбия) в свою максиму. Если же он принимает их в свою максиму как *сами по себе достаточные* для определения произволения, не обращая внимания на моральный закон (а он все же в нем есть), то он будет морально злым (АА 06, S. 36; Кант, 1994г, с. 37).

Себялюбие чувственно, а соответственно, оно не подразумевает подлинной автономии и тем самым ведет к неминуемому отклонению от морального закона. Однако первопричиной морального зла, по Канту, является совсем не себялюбие, а некоторая неизвестная нам склонность в человеческой природе, сподвигающая нас к нему (см.: Там же).

Что же касается взглядов Лосского, то он, наоборот, утверждает, что первопричина морального зла давно нам известна. Она состоит в нарушении иерархии подлинных ценностей, а именно в себялюбии и эгоизме (Лосский, 1991а, с. 62). То есть себялюбие понимается философом как аксиологическая ориентация личности. Основная проблема, которую Лосский связывает с этой ориентацией, вновь будто бы восходит к Канту. Она заключается в утверждении, что если себялюбие становится основой поведения личности, то эта личность утрачивает свою подлинную автономию и творческую способность. Любовь существа к себе, как отмечает русский философ, нормальна и даже правильна, но только если она выражена в способности видеть в своем лице человечество и сознавать ответственность перед ним (Там же, с. 60). Но дальше Лосский заключает, что эгоизм как высшая степень себялюбия ведет к обеднению бытия и всем возможным формам производного зла. Лосский пишет: «...чрезмерная любовь к себе, предпочтение себя другим личностям есть уже нарушение ранга ценностей; она есть первичное, *основное нравственное зло*, гре-

Self-love is sensible, and accordingly it does not imply genuine autonomy, thereby leading inevitably to deviation from the moral law. However, Kant argues that the prime cause of moral evil is not self-love, but a proclivity in human nature that inclines us to it (*ibid.*).

As for Lossky's views, he on the contrary claims that the prime cause of moral evil has long been known to us. It consists in the violation of the hierarchy of true values, i.e. self-love and egoism (Lossky, 1991a, p. 62). In other words, he interprets self-love as the axiological orientation of the personality. The main problem Lossky links with this orientation seems to hark back once more to Kant. It is his claim that if self-love becomes the basis of a person's behaviour, that person loses genuine autonomy and the creative faculty. Self-love, the Russian philosopher argues, is normal and even right, but only if it manifests itself through the capacity to see humanity in oneself and to be aware of one's responsibility toward it (*ibid.*, p. 60). But Lossky then goes on to conclude that egoism as the highest degree of self-love impoverishes being and leads to every form of derivative evil. Lossky (1994, p. 347) writes: "[...] excessive love of oneself, preferring oneself to other individuals, already constitutes a violation of the hierarchy of values; it is the primary, *main moral evil*, the sin of a creature. All other types of evil, all the imperfections in the world are the consequence of this core moral evil of self-love, egoism."

It turns out that for both philosophers the main cause of amoral behaviour is self-love, although they interpret it in different ways. For both philosophers it is a property of non-ideal human nature. And yet, for Lossky, egoism in its absolute form is literally the only source of evil. For Kant it merely distances a person from the moral law, but is not the ultimate cause of evil as such.

хопадение тварного существа. Все остальные виды зла, все несовершенства в мире суть следствие этого основного нравственного зла себялюбия, эгоизма» (Лосский, 1994, с. 347).

Получается, что ключевой причиной аморального поведения у обоих философов выступает себялюбие, хотя трактовка этого понятия отличается. Для обоих философов это свойство неидеальной человеческой природы. И все же для Лосского себялюбие в своей абсолютной форме становится буквально единственным источником зла. В свою очередь, для Канта оно только лишь отдаляет человека от морального закона, но не является причиной морального зла как такового.

5. Место идеи Бога в этике

Наконец, невозможно проигнорировать один из ключевых аспектов фундаментального расхождения философских этик Лосского и Канта. Лосский, позиционирующий себя как религиозный философ вне православной догматики, считал тезис об аксиологическом статусе Бога одним из наиболее важных для построения своей этической системы. Лосский стремится доказать необходимость допущения творца мира, для того чтобы мыслить мир как органическое и систематическое целое (Лосский, 1917). Этические категории рассматриваются им как воплощение божественной воли, и само название «теономная этика» подчеркивает, что их содержание и смысл так или иначе определяются исходным методологическим принципом теизма (Лосский, 1991а, с. 67–68). В конечном счете Лосский утверждает, что Бог в человеческом ограниченном опыте открывает себя именно как высшая любовь: «...Бог открывается в религиозном опыте не только как абсолютная полнота бытия, но еще и как высшая абсолютно совершенная ценность, как само Добро во всех смыслах этого слова, именно как сама Красота, Нравственное Добро (Любовь), Истина, абсолютная жизнь» (Там же, с. 51).

5. The Place of God in Ethics

Finally, let us consider one of the key aspects of the fundamental divergence between the ethics of Lossky and Kant. Lossky, who positioned himself as a religious philosopher outside the Orthodox dogma, considered the thesis of the axiological status of God to be one of the underpinnings of his ethical system. Lossky (1928) strives to prove the necessity of assuming the existence of the creator of the world in order to think the world as an organic and systematic whole. He considers ethical categories to be the embodiment of divine will, the expression “theonomic ethics” stressing that their content and meaning are in one way or another determined by the underlying methodological principle of theism (Lossky, 1991a, pp. 67-68). Finally, Lossky maintains that in the limited human experience God reveals himself as supreme love: “[...] God is revealed in the religious experience not only as absolute fullness of being, but also as the highest absolutely perfect value, like Good in all senses, namely as Beauty, Moral Good (Love), Truth and absolute Life” (*ibid.*, p. 51).

For Kant, the idea of the Divine, which has only a regulative significance for theoretical cognition of the world, is necessary for understanding the highest good. God guarantees that moral acts are matched by a proportionate amount of happiness. However, unlike freedom, immortality of the soul and the existence of God are not constitutive for moral acts. These two additional postulates are based not on an objective, but on a subjective need of the reasonable subject, on moral faith (*KpV*, AA 05, p. 125; Kant, 2002, p. 159).

In contrast to this concept, Lossky’s moral theory is fundamentally theistic. He insists on the need to believe in a transcendental God who is at once the moral ideal and the goal of the existence of all creatures (see Titarenko, 1991, p. 9).

Со своей стороны, для Канта идея Божественного, имеющая для теоретического познания мира лишь регулятивное значение, необходима для понимания высшего блага. Бог выступает гарантом того, что моральным действиям будет пропорционально соответствовать счастье. Однако, в отличие от свободы, бессмертие души и существование Бога не являются конститутивными для моральных действий. Эти два дополнительных постулата основываются не на объективной, а на субъективной потребности разумного субъекта, на моральной вере (АА 05, S. 125; Кант, 1994а, с. 523).

Вопреки этой концепции, моральная теория Лосского принципиально теистична. Философ настаивает на необходимости веры в трансцендентного Бога, который является одновременно моральным идеалом и целью существования всех сотворенных существ (см.: Титаренко, 1991, с. 9).

6. Заключение

Итак, в этической концепции Лосского выявляется значительное кантовское влияние. Лосский заимствует важнейший для этики Канта термин «категорический императив», однако полностью меняет его содержание. В сущности, философ скорее обращается к нему как к метафоре, чем как к средству для укрепления философской силы собственных аргументов. Вместе с термином он совершает попытку перенести на свой моральный принцип и ряд свойств кантовского императива. Так, Лосский утверждает, что используемый им принцип любви предполагает долженствование и является внутренним основанием нравственной деятельности человека. Русский философ создает и схожие механизмы реализации морального закона. Условием осуществления морали у него, как и у Канта, становится принципиальная автономия личности. Несмотря на введение в свою теорию представления о необходимом существовании трансцендентного Бога, Лосский настаивает на том, что его абсолют-

6. Conclusion

To sum up, Lossky's ethical concept reveals a significant Kantian influence. Lossky borrows the term "categorical imperative", key for Kant's ethics, but completely changes its meaning. In fact, he uses it as a metaphor rather than a philosophical instrument to bolster his own arguments. Along with the term he attempts to transfer some features of the Kantian imperative to his moral principle. Thus, Lossky claims that the principle of love he uses implies oughtness and is the foundation of man's moral behaviour. Lossky creates similar mechanisms of the implementation of the moral law. As in Kant, in Lossky's doctrine the fundamental autonomy of the personality is a precondition of moral behaviour. Although his theory includes the notion of the necessary existence of the transcendental God, Lossky insists that his absolute principle is not heteronomic and is not given from outside, but is the result of the self-legislation of the personality. Both philosophers build an ethics of the absolute principle which claims to be universal. For Lossky, as for Kant, ethics is a branch of philosophy that is about oughtness and freedom as such. Although Lossky considers Kant's key principle to be abstract and formal, the principle he proposes is no less abstract and, as we have seen, is on the whole problematic.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian President's Grant MK-4700.2021.2 "Fichte's Philosophy in Russian Neo-Kantianism".

References

- Berdnikova, A.Yu., 2017. 'Back to Kant' or 'Back to Leibnitz'? A Critical View from the History of Russian Metaphysical Personalism. *Kantian Journal*, 36(2), pp. 33-45. (In Rus.)
- Blauberger, I.I., 2017. Evolution of Personalistic Ideas in the Work of N.O. Lossky. *History of Philosophy*, 22(1), pp. 106-120. (In Rus.)

ный принцип не гетерономен и не дан извне, а является результатом самозаконодательства личности. Оба философа выстраивают этику абсолютного принципа, претендующую на универсальность. Как для Канта, так и для Лосского этика — это учение о долженствовании и свободе как таковой. И хотя Лосский считает кантовский ключевой принцип слишком отвлеченным и формальным, принцип, предлагаемый им, оказывается не менее отвлеченным и в целом, как мы видели, проблематичным.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук, проект МК-4700.2021.2 «Философия Фихте в русском неокантианстве».

Список литературы

Бердникова А. Ю. «Назад к Канту» или «Назад к Лейбницу»? Критический взгляд из истории русского метафизического персонализма // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 2. С. 33–45.

Блауберг И. И. Эволюция персоналистских идей в учении Н. О. Лосского // История философии. 2017. Т. 22, № 1. С. 106–120.

Бонадысева П. Р. Становление онтогносеологии русских интуитивистов как критика неокантианства // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 4. С. 95–193.

Зеньковский В. В. История русской философии. М. : Академический Проект ; Раритет, 2001. С. 599–642.

Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 4. С. 373–565.

Кант И. Метафизика нравов // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. Основоположения метафизики нравов // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 4. С. 153–246.

Кант И. Религия в пределах только разума // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 6. С. 5–223.

Лосский Н. О. Мир как органическое целое. М. : Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917.

Лосский Н. О. Свобода воли. Р. : УМСА-Press, 1927.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М. : Издательство политической литературы, 1991а.

Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М. : Правда, 1991б.

Bonadyseva, P.R., 2020. The Emergence of Onto-Gnoseology among Russian Intuitivists as Criticism of Neo-Kantianism. *Kantian Journal*, 39(4), pp. 95-123.

Kant, I., 1996. The Metaphysics of Morals. In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M.J. Gregor, Introduction by A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 353-604.

Kant, I., 1997. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Translated and edited by M.J. Gregor, Introduction by C.M. Korsgaard. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Critique of Practical Reason*. Translated by W.S. Pluhar, Introduction by S. Engstrom. Indianapolis & Cambridge: Hackett Publishing Company Inc.

Kant, I., 2009. *Religion within the Bounds of Bare Reason*. Translated by W.S. Pluhar, Introduction by S.R. Palmquist. Indianapolis & Cambridge: Hackett Publishing Company Inc.

Lewin, M., 2021. *Das System der Ideen. Zur perspektivistisch-metaphilosophischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte*. Freiburg & München: Alber.

Lossky, N.O., 1932. *Freedom of Will*. Translated by N.A. Duddington. London: Williams & Norgate.

Lossky, N.O., 1991a. *The Conditions of Absolute Good*. Moscow: Political Literature Publishers. (In Rus.).

Lossky, N.O., 1991b. The Types of Worldview. In: N.O. Lossky, 1991. *Sensual, Intellectual, and Mystical Intuition*. Moscow: Respublika, pp. 4-135. (In Rus.).

Lossky, N.O., 1994. *God and Evil*. Moscow: Republic, pp. 316-409. (In Rus.).

Lossky, N.O., 1995. *Sensual, Intellectual, and Mystical Intuition*. Moscow: Republic, pp. 136-288. (In Rus.).

Lossky, N.O., 1919. *The Intuitive Basis of Knowledge*. Translated by N.A. Duddington, with a Preface by G.D. Hickes. London: Macmillan & Co.

Lossky, N.O., 1928. *The World as an Organic Whole*. Translated by N.A. Duddington. Oxford: Humphrey Milford.

Navickas, J.L., 1978. N. Lossky's Moral Philosophy and M. Scheler's Phenomenology. *Studies in Soviet Thought*, 18(2), pp. 121-130.

Oizerman, T.I., 1994. Kant's Doctrine of Initial Evil in Human Nature. *Kantian Journal*, 18, pp. 11-20. (In Rus.).

Popova, V.S., 2015. Kant in the Development of N.O. Lossky's Philosophical Views: The Case of a Translation. *Kantian Journal*, 1(52), pp. 62-75.

Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М. : Республика, 1994. С. 316–409.

Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М. : Республика, 1995.

Ойзерман Т. И. Учение Канта об изначальном зле в человеческой природе // Кантовский сборник. 1994. № 18. С. 11–20.

Попова В. С. И. Кант в становлении философского мировоззрения Н. О. Лосского: опыт перевода // Кантовский сборник. 2015. № 1 (52). С. 62–75.

Титаренко А. И. Классическая этика абсолюта (вместо предисловия) // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М. : Издательство политической литературы, 1991. С. 5–22.

Lewin M. Das System der Ideen. Zur perspektivistisch-metaphilosophischen Begründung der Vernunft im Anschluss an Kant und Fichte. Freiburg ; München : Alber, 2021.

Navickas J. L. N. Lossky's Moral Philosophy and M. Scheler's Phenomenology // Studies in Soviet Thought. 1978. Vol. 18, № 2. P. 121–130.

Puls H. Freiheit als Unabhängigkeit von bloß subjektiv bestimmenden Ursachen – Kants Auflösung des Zirkelverdachts im dritten Abschnitt der *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten* // Zeitschrift für Philosophische Forschung. 2011. Bd. 65, № 4. S. 534–562.

Rinne P. *Kant on Love*. Berlin : De Gruyter, 2018.

Schönecker D. Kant: Grundlegung III. Die Deduktion des kategorischen Imperativs. Freiburg ; München : Alber, 1999.

Об авторе

Полина Руслановна **Бонадысева**, магистр философии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-5441>

Для цитирования:

Бонадысева П. Р. Этика категорического императива. Н. О. Лосский под влиянием И. Канта // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 4. С. 60–75.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-4-3

© Бонадысева П. Р., 2022.

Puls, H., 2011. Freiheit als Unabhängigkeit von bloß subjektiv bestimmenden Ursachen – Kants Auflösung des Zirkelverdachts im dritten Abschnitt der Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 65(4), pp. 534-562.

Rinne, P., 2018. *Kant on Love*. Berlin: De Gruyter.

Schönecker, D., 1999. *Kant: Grundlegung III. Die Deduktion des kategorischen Imperativs*. Freiburg & München: Karl Alber.

Titarenko, A.I., 1991. Classical Ethics of the Absolute. Introductory Article. In: N.O. Lossky. *The Conditions of Absolute Good*. Moscow: Political Literature Publishers, pp. 5-22. (In Rus.)

Zenkovsky V.V., 2001. *History of Russian Philosophy*. Moscow: Akademicheskii Proekt, Raritet, pp. 599-642. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Polina R. **Bonadyseva**, MA, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: PBonadyseva1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2388-5441>

To cite this article:

Bonadyseva, P.R., 2022. The Ethics of the Categorical Imperative. Lossky under the Influence of Kant. *Kantian Journal*, 41(4), pp. 60-75.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-4-3>

© Bonadyseva P.R., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))